

Неожиданно разыгравшийся фарс с Ху Цзинь завершился заявлением Ху Дашу о желании отделиться от семьи — такого исхода в самом начале никто не мог предугадать.

Не прошло и пары мгновений с того момента, как он озвучил своё решение, как из дома выскочил Бай Пин, не выдержавший напряжения. Супруги бросились друг к другу в объятия и, не скрывая чувств, расплакались прямо на дворе.

А Ху Цзинь, услышав, что её второй сын всерьёз собирается отделиться, словно слетела с катушек — завизжала, осыпая Бай Пина самыми грязными ругательствами. В её глазах всё было очевидно: сын, ещё недавно послушный и почтительный, едва женился на этом гере, как тут же превратился в чужого человека, всё делает ей наперекор.

— Ты, лиса проклятая! Поганая тварь! — орала она, указывая на Бай Пина пальцем. — Как я могла быть такой дурой, чтоб на эту свадьбу согласиться! Ты только и пришёл, чтоб сгубить наш род Ху! Ты в могилу нас всех сведёшь!

Староста деревни, Сюй Байфу, слушать такое больше не стал. Он тут же велел нескольким крепким крестьянкам из деревни скрутить Ху Цзинь и оттащить её домой. Вслед за этим распорядился послать за уважаемыми старейшинами из рода Ху, теми, чьё слово и вправду имеет вес.

Раз Ху Цзинь так любит прикрываться возрастом и авторитетом, пусть теперь посмотрит, как её наставляют по-настоящему старшие. А если уж она надеется и дальше жить в деревне — с родовыми законами придётся считаться.

Ху Цзинь быстро утихомирили и увели, и вскоре вокруг вновь воцарилась тишина.

Сюй Байфу обернулся к Ху Дашу и стал уговаривать его не торопиться: всё-таки отделение от семьи — это не забава. По общему правилу, пока жив хоть один из родителей, речи о разделе имущества быть не может. Если же кто-то настаивает на своём, значит, уж слишком горька жизнь в родном доме — или от несправедливости старших, или из-за непримиримых ссор между братьями. В таких случаях семья и вправду делится — чтоб хоть кто-то мог жить спокойно.

Даже Бай Пин, несмотря на всё случившееся, всё ещё колебался — не мог вынести мысли, что из-за него мужу придётся всю жизнь выслушивать злые насмешки за спиной. Но Ху Дашу уже принял решение и стоял на своём: этот дом надо непременно делить.

Сюй Байфу невольно отметил про себя, что в одном мать с сыном действительно похожи — упрямы, как два осла.

Когда все уже собирались идти к дому Ху Дашу, Юй Шанчжи окликнул Вэнь-санъя, дал ему рецепт для маленького Дие-гера, а также вынул три пилюли Тайцзи, аккуратно завернул и передал. Малыш, наконец, попив козьего молока, теперь спокойно сопел на руках у своего

папы.

Ху Дашу наотрез отказался уходить, пока не расплатится за приём и лекарства. Юй Шанчжи, опираясь на память прежнего хозяина тела, что был учеником старого лекаря Циня, взял ровно девяносто вэней: пятнадцать — за приём, и по двадцать пять — за каждую пилюлю.

Цена была вполне справедливой: взять хотя бы того самого лекаря У — за приём дома он брал двадцать вэней, а если выезжал куда-либо, то в зависимости от расстояния — не меньше тридцати. А в аптечных лавках и медицинских залах в уезде и вовсе без трёх-четырёх десятков монет даже в порог не пустят.

Поэтому, даже если деревенским жителям приходилось по медяку собирать гроши, девяносто вэней за то, чтобы ребёнок избежал беды, — как ни считай, оно того стоило.

После того как Сюй Байфу увёл семью Ху Дашу, смотреть больше стало не на что, и толпа у ворот быстро разошлась. Суй Цуйфэнь и Лю-данянь ещё зашли во двор на пару слов, попутно выругали Ху Цзинь, да и посоветовали Вэнь Ецаю с Юй Шанчжи не брать в голову старую склочную бабу.

Разговаривая, они то и дело бросали взгляды на Юй Шанчжи, а когда снова обращались к Вэнь Ецаю, в глазах и на губах появлялась лукавая усмешка. Ведь всем, кто только что был тут, всё было отлично видно — Ху Дашу отсчитал почти целый лян серебром, отдав Юй Шанчжи за приём.

Скажем прямо, жених, вошедший в дом, будь то просто зять или, как тут, муж-чжусюй, — чаще всего нищий, из дома, где даже суп пустой, а то и вовсе лентяй, ни к чему негодный. А этот молодой лекарь, пусть и слепой на глаза, с тонкими руками и слабым телом, — не пахарь, конечно, но ведь он знает медицину! Такому даже из дому выходить не надо — в день несколько больных примет, и вот тебе уже сотня-другая вэней. Как тут не жить всё лучше и лучше?

- Вот это ты, братец, сокровище себе урвал, — бросила Суй Цуйфэнь на прощание Вэнь Ецаю, а потом, смеясь, взяла Лю-данянь под руку, и они разошлись по домам.

После того как они ушли, в доме наконец-то воцарилась настоящая тишина. Прошедшая ночь, да и утро следом, выдались беспокойными, полными тревог и суматохи. Юй Шанчжи не сомкнул глаз, встал ни свет ни заря, и теперь усталость ощущалась в каждой клеточке тела.

Вэнь Ецай всё это видел — кому же, как не ему, жалеть своего мужа.

- Раз уж дел по дому сейчас нет, иди полежи ещё немного, — сказал он, и, хотя в главной комнате после ночёвки Бай Пина с ребёнком постель всё ещё не была прибрана, он не раздумывая проводил Юй Шанчжи в восточную комнату и сам помог улечься.

После такого утомительного утра у Юй Шанчжи совсем не было аппетита, он только сказал:

- Позовёшь, когда лекарство сварится.

Голова едва коснулась подушки, как он почти мгновенно провалился в глубокий сон.

Когда проснулся вновь — отвар уже был готов. Юй Шанчжи сел, молча выпил чашку горького лекарства, а под конец, как всегда, закусил двумя кусочками сушёного абрикоса — сладость наполнила рот, и стало полегче.

Тем временем Вэнь Ецай сел рядом и рассказал, что происходило, пока он спал.

- Ты теперь в деревне человек известный, — с улыбкой начал он. — Несколько семей к нашему двору приходили, хотели, чтобы ты их посмотрел. Я у каждого расспросил — у всех либо застарелые хвори, либо какие-то незначительные недомогания. Я и сказал, что ты от злобы Ху Цзиньши слёг, сейчас болеешь, так что они разошлись. А сам подумал, надо тебя спросить: как ты сам хочешь с этим быть? Всё-таки ты и вправду лекарь, но ведь это не значит, что теперь должен надрываться без передышки. Даже если и отложишь всё это, тоже ничего — в доме есть я, на твои заработки мы вовсе не рассчитываем.

В этом деле Вэнь Ецай, несомненно, всё уже хорошенько продумал.

Юй Шанчжи задумчиво нахмурился, и лишь по прошествии некоторого времени, тщательно подбирая слова, проговорил:

— Сейчас, когда я ослеп, боюсь, что могу ошибиться при осмотре. Пока зрение не вернётся, лучше, пожалуй, не братья ни за что, кроме действительно тяжёлых случаев... вроде того, что был у Сяо Дие-гера.

Услышав это, Вэнь Ецай почувствовал, как у него на сердце стало теплее — то, что Шанчжи размышлял так же, как и он сам, его радовало.

— Тогда, если кто снова придёт с просьбой, скажу, что ты ещё болен и пока не можешь никого принять. А ты тем временем спокойно поправляйся.

Юй Шанчжи кивнул:

— Пусть будет так.

Но при этом, скрыто от глаз, под одеялом, пальцы его тихо постукивали по постели. Он понимал, что, скорее всего, задержится в деревне Селю ненадолго. Открывать здесь приём, вести полноценную врачебную практику — вряд ли удастся.

Пока... пусть всё будет вот так.

Вэнь Ецай не догадывался о его мыслях. Услышав согласие, лишь молча сжал губы, и на щеках у него обозначились две ямочки. Когда-то он решил взять в дом мужа — не потому, что не мог выйти замуж, а потому что не хотел стать той самой «вылитой водой», что плеснули за порог. Оставшись сиротой, без отца и матери, он знал: попади он в чужой дом, всё будет зависеть от чужой воли. А если не родит ни сына, ни дочери, то через три года, как срок пройдёт, получит бумагу о разводе и отправится восвояси.

Не говоря уже о том, что у него ещё были сестрёнка Эрню и младший брат Санья. Если бы он сам ушёл в семью мужа, то что бы стало с ними?

Его отец, Вэнь Юнфу, был приёмным сыном в семье Вэнь из деревни Ланьмагоу. В той семье уже было двое детей — старший гер и младшая дочь, а наследника мужского пола так и не родилось, и в какой-то момент, теряя надежду, они, не видя иного выхода, усыновили осиротевшего мальчика из отдалённой ветви рода, переселившегося в деревню Селю.

По началу, Вэнь Юнфу, как усыновлённый, получал много внимания — его растили как родного. Но всего два года спустя случилось невероятное: у старой бабки, Вэнь Чжао-ши, которую все давно считали бесплодной, вдруг обнаружилась беременность, и родила она... мальчика.

С того момента жизнь Вэнь Юнфу резко изменилась. Он, словно забытый капустный кочан, остался в стороне — всем сердцем и заботой старики оберегали своего «настоящего» сына, четвёртого по счёту, Вэнь Юнгуя.

Вэнь Юнфу же с того дня стал в доме батраком: покорным, молчаливым, недокормленным и одетым в лохмотья. За малейшее ослушание напоминали о «великой милости воспитания», словно его жизнь теперь была вечным долгом.

Позже, когда Вэнь Юнфу сам ухватился за случай, выучился у старого охотника и получил ремесло, которое позволяло ему прокормить себя и семью, он всё-таки решился на разделение семьи. Это была трудная борьба, но в итоге он вырвался из этого пожирающего живого болота.

Не имея другого приюта, он вернулся в Селю — туда, где когда-то жили его родные. Дом, оставшийся от рано умерших родителей, сначала захватили дальние родственники, но вскоре, когда он вернулся, он уже стоял в запустении, никому не нужный.

Вэнь Юнфу перебрался жить туда, где когда-то стоял дом его родителей, и, шаг за шагом, трудом и потом отстроил глинобитную хижину, в которой теперь и жила семья. Родились у него трое детей. Увы, он слишком рано покинул этот мир, а вскоре за ним ушла и его супруга. Все в деревне Селю знали — это был человек с нелёгкой судьбой.

Так что у семьи Вэнь и вправду не было корней. И если бы Эрню и Санья остались в руках

алчных родственников, то лучше бы Вэнь Ецай просто стиснул зубы и выплатил бы двойной брачный налог после совершеннолетия*, чем пустил всё на самотёк.

(ПП: В тексте упоминается условие: если не вступить в брак до 18 лет, брачный налог увеличивается. Это вымышленное правило в рамках мира романа.)

А вот приглашение мужа в дом — это совсем другое. Мужчина женится и входит в дом жены, а дети, что родятся потом, будут носить фамилию Вэнь. Хозяином же и главой в таком доме останется он сам.

Когда Вэнь Ецай поручил свахе искать ему мужа, он сразу сказал: нужен такой, у которого мягкий и покладистый характер. А теперь Юй Шанчжи с самого начала просто кивает на любое его предложение — разве тут можно не радоваться? Днём он заработал деньги за приём, и тоже отдал их ему, мол, в общий бюджет семьи.

Тетка Суй сказала верно — он и впрямь нашёл себе сокровище.

После того как Юй Шанчжи выпил лекарство, он съел немного рисового супа. Убедившись, что дома всё спокойно, Вэнь Ецай вышел за водой, а Эрню занялась уборкой курятника на заднем дворе. Пользуясь моментом, пока дома остался только младший брат, Юй Шанчжи решил ещё раз проверить пульс Вэнь-санья.

На деле, конечно, от одного приёма лекарства не могло быть особых изменений, но в первый раз пульс он слушал в спешке. Теперь же всё тщательно: он снова проверил состояние, расспросил мальчика подробнее и только после этого жестом велел тому опустить руку.

— Принимай лекарство по этому рецепту хотя бы с полмесяца, потом подберём другой состав. Да, кстати, тебе раньше делали прижигание моксой? — негромко спросил Юй Шанчжи. — Ночью ты плохо спишь, перед сном стоит попробовать — станет легче.

— Раньше делали пару раз в городской лечебнице, — кивнул Вэнь-санья. — После сеанса руки-ноги тёплые, очень приятно. Только добираться до города тяжело, да и сама мокса стоит десять вэнь за штуку — дорого...

Эти слова он осмелился сказать только сейчас, пока дома не было старшего брата. Да, брат и вправду умел зарабатывать, но его собственная болезнь — это бездонная яма.

Вэнь-санья уже не раз думал: если бы не он с его постоянными лекарствами, брату не пришлось бы так надрываться. Тогда тот, наверное, уже давно смог бы купить ещё несколько му хорошей земли, отстроить кирпичный дом с черепичной крышей, и, глядишь, давно бы начал копить приличное приданое для Эрню.

Он даже однажды на злости заявил, что больше не хочет лечиться — за это брат от души

отхлестал его по заднице и сурово отругал. В его воспоминаниях это был единственный раз, когда брат на него по-настоящему разозлился.

Юй Шанчжи, нащупав рукой макушку мальчика, тихо провёл по волосам. Он не мог не поразиться тому, какой это умный и чуткий ребёнок. Ещё бы — ведь всего несколько лет назад тот был совсем малышом, а теперь уже заботится о семейных тратах как взрослый.

Вспомнив, что он сейчас живёт в доме семьи Вэнь, ест их еду, пьёт лекарства, на которые тратит серебро сам Вэнь Ецай, Юй Шанчжи ощутил внутреннюю неловкость. Даже если в будущем ему и удастся развестись и рассчитаться со всеми расходами до последнего вэня, за собой он всё равно будет чувствовать огромный долг — не денежный, а человеческий.

Помимо того, что он лечит Санъя и выписывает ему рецепты, следовало бы и впрямь сделать что-то ещё. Он начал прикидывать: может, стоит подсказать семье Вэнь какой-нибудь способ заработка — не временную подработку, а дело, что сможет приносить постоянный доход. Причём лучше всего, если и Вэнь-санъя, неспособный к тяжёлому труду, тоже сможет в этом участвовать и быть полезным.

Юй Шанчжи поразмыслил недолго, и идея у него уже появилась. Пока же он только сказал Санья:

— Мокса в аптеках и лечебницах стоит дорого, потому что прошла через чужие руки. А сделать их самому — не так уж и сложно. Только вот для этого нужно выдержанное, пролежавшее три-пять лет сырьё, а у нас его пока нет. Зато можно собрать свежей полыни и хотя бы на ночь ей ноги парить — и то поможет.

Полынь в округе растёт повсюду и ничего не стоит. Услышав, что можно сэкономить, Санъя сразу повеселел. К Юй Шанчжи у него теперь было не только уважение, но и искреннее доверие, поэтому он и не торопился возвращаться в свою комнату. Юй Шанчжи тоже был не прочь провести немного времени с этим смышлёным мальчишкой. Узнав, что тот любит читать и писать, он невзначай начал обучать его двум стихотворным формулам из сборника медицинских рецептов.

«Тантоу Гэ» (Сборник рецептов в стихах) — древняя книга, и по воспоминаниям прежнего хозяина тела, в этом ином мире её, вероятнее всего, нет. Хотя местные лекари тоже знали подобные мнемонические формулы, просто назывались они иначе. Составлены эти стихи легко и быстро запоминаются, так что Вэнь-санъя, несколько раз повторив одну из формул, сразу втянулся и захотел её записать. Но бумага и чернила — вещь дорогая, и он не хотел тратить их зря, поэтому обмакнул палец в воду и начал выводить слова прямо на столешнице. Сталкиваясь с иероглифами, которых не знал, поднимал голову и тут же спрашивал у Юй Шанчжи.

— «Махуан, фулин, чэньпэй, баипи... — бормотал он в полголоса, — от простуды с кашлем — варить немедленно, не медли ни минуты...»

Мальчишеский голос звенел в комнате, будто весенняя капель, — тонкий и живой. Когда он

выучил формулу наизусть, взгляд его скользнул к аптекарскому ящику Юй Шанчжи. Ряд крошечных флакончиков с надписями на каждом из них сразу привлёк его внимание.

— Брат Юй, а можно мне взглянуть на твою аптечку?

Ящик с лекарствами и впрямь был не из разряда особенно ценных вещей. Юй Шанчжи чуть кивнул:

— Смотри, конечно. Только аккуратней, не урони бутылочки.

Вэнь-санъя радостно согласился и начал один за другим вытаскивать выдвижные ящички аптекарского сундука, с любопытством разглядывая, что в них хранится. Но когда добрался до самого нижнего ящика, тот вдруг заело. Он решил, что это просто из-за нехватки сил, и попытался потянуть сильнее. Однако, переусердствовав, вырвал ящик из рамки — тот с грохотом упал на стол, а содержимое разлетелось по полу, громко звякнув.

Вэнь-санъя оцепенел от ужаса. Он только что устроил настоящий погром, рассыпав лекарства старшего брата Юя. Это была настоящая беда — и не только потому, что Юй Шанчжи может рассердиться. Вернувшись, старший брат точно отшлёпает его!

Юй Шанчжи, до этого сидевший с закрытыми глазами и отдыхавший, резко подался вперёд, испуганный шумом.

— Что случилось, Санъя? Что упало?

От страха дыхание у мальчика сбилось, он захрипел и закашлялся. Юй Шанчжи сразу понял: приступ. Быстро вслепую пробираясь к нему, он нащупал плечо мальчика, притянул к себе и, обняв, начал помогать ему выровнять дыхание, мягко массируя нужные точки.

Только через полчаса Вэнь-санъя немного пришёл в себя. Его тело обмякло, лицо побелело, но теперь он мог говорить. Глаза у него были полны слёз, и, всхлипывая, он пробормотал:

— Брат Юй... прости... я сломал твой ящик с лекарствами...

Юй Шанчжи сначала подумал, что произошло нечто серьёзное, раз мальчика так напугало, что у того начался приступ. Оказалось, всё дело лишь в ящике. Он тут же спокойно и мягко сказал:

— Ну, сломался — так починим. Это не беда, не бойся.

Вэнь-санъя вытер слёзы, всё ещё всхлипывая, голос дрожал, и он икал от плача:

— Один... один ящик... вывалился, ик, не знаю, разбился он или нет...

Юй Шанчжи продолжал медленно поглаживать его по спине, чтобы окончательно унять тревогу:

— Даже если разбился — ничего страшного. Потом вместе соберём и всё вернём на место.

С его спокойным утешением Вэнь-санъя наконец-то поверил, что его и вправду никто не будет ругать.

<http://bllate.org/book/13600/1205926>